

EVERYMAN'S LIBRARY

Boris Pasternak

Winter

When icicles hang by the wall,
And Dick the shepherd blows his nail,
And Tom bears logs into the hall,
And milk comes frozen home in pail,
When blood is nipp'd, and ways be foul,
Then nightly sings the staring owl:
'Tu-who;
Tu-whit, Tu-who' – a merry note,
While greasy Joan doth keel the pot.

When all around the wind doth blow,
And coughing drowns the parson's saw,
And birds sit brooding in the snow,
And Marian's nose looks red and raw,
When roasted crabs hiss in the bowl,
Then nightly sings the staring owl:
'Tu-who;
Tu-whit, To-who' - a merry note,
While greasy Joan doth keel the pot.

W Shakespeare, *Love's Labour's Lost*

Зима

Когда в сосульках сеновал
И дуют в руки на дворе,
И Том дрова приност в зал,
И мерзнет молоко в ведре,
И стынет кровь, и всюду грязь,
Зяводит сыч, во тьму вперясь:
Ту-гу!

Ту-ит, ту-гу! Ну и певун!
Вся в сале, Анна трет чугун.
Когда от кашля прихожан
Не слышно пасторовых слов,
И птицы хохлятся в буран,
И у Марьяны нос багров,
И прыщут груши в кипятке,
Заводит филан вдалеке:

Ту-гу!
Ту-ит, ту-гу! Ну и певун!
Вся в сале, Анна трет чугун.

Parting

A man is standing in the hall
His house not recognising.
Her sudden leaving was a flight,
Herself, maybe, surprising.

The chaos reigning in the room
He does not try to master.
His tears and headache hide in gloom
The extent of his disaster.
His ears are ringing all day long
As though he has been drinking.
And why is it that all the time
Of waves he keeps on thinking?

When frosty window-panes blank out
The world of light and motion,
Despair and grief are doubly like
The desert of the ocean.

She was as dear to him, as close
In all her ways and features,
As is the seashore to the wave,
The ocean to the beaches.

As over rushes, after storm
The swell of water surges,
Into the deepness of his soul
Her memory submerges.

In years of life, in times which were
Unthinkable to live in,
Upon a wave of destiny
To him she had been driven,

Through countless obstacles, and past
All dangers never-ended,
The wave had carried, carried her,
Till close to him she'd landed.

And now, so suddenly, she'd left.
What power overrode them?
The parting will destroy them both,
The grief bone-deep corrode them.

He looks around him. On the floor
In frantic haste she'd scattered
The contents of the cupboard, scraps
Of stuff, her sewing patterns.

He wanders through deserted rooms
And tidies up for hours;
Till darkness falls he folds away
Her things into the drawers;

And pricks his finger on a pin
In her unfinished sewing,
And sees the whole of her again,
And silent tears come flowing.

Translated by Lydia Pasternak Slater

Разлука

С порога смотрит целовек,
Не узнавая дома.
Ее отъезд был как побег.
Везде следы разгрома.

Повсюду в комнатах хаос.
Он меры разоренья
Не замечает из-за слез
И приступа мигрени.

В ушах с утра какой-то шум.
Он в памяти иль грезит?
И почему ему на ум
Все мысль о море лезет?

Когда сквозь иней на окне
Не видно света божья,
Безвыходность тоски вдвойне
С пустыней моря схожа.

Она была так дорога
Ему чертой любою,
Как море близки берега
Всей линией прибоя.

Как затопляет камыши
Волнение после шторма,
Ушли на дно его души
Ее черты и формы.

В года мытарств, во времена
Немыслимого быта
Она волной судьбы со дна
Была к нему пририта.

Среди препятствий без цисла,
Опасности минуя,
Волна несла ее, несла
И пригнала бплотную.

И вот теперь ее отъезд,
Насильственный, быть может!
Разлука их обоих съест,
Тоска с костями сгложет.

И целовек глядит кругом:
Она в момент ухода
Все выворотила вверх дном
Из ящичков комода.

Он бродит, и до темноты
Укладывает в ящик
Раскиданные лоскуты
И выкройки образчик.

И, наколовшись об шитье
С невынотой иголкой,
Внезапно видит всю ее
И плачет втихомолку.

In Hospital

They stood, almost blocking the pavement,
As though at a window display;
The stretcher was pushed in position,
The ambulance started away.

Past pavements and porches and people
It plunged with its powerful light
Through streets in nocturnal confusion
Deep into the blackness of night.

The headlights picked out single faces,
Militiamen, stretches of street.
The nurse with a smelling-salts phial
Was rocked to and fro on her seat.

A drain gurgled drearily. Cold rain
Was falling. The hospital clerk
Took out a fresh form of admission
And filled it in, mark upon mark.

They gave him a bed by the entrance;
No room in the ward could be found.
Strong iodine vapour pervaded
The draught from the windows around.

His window framed part of the garden,
And with it a bit of the sky.
The newcomer studied the floorboards,
The ward and the objects nearby,

When, watching the nurse's expression
Of doubt, in her questioning drive,
He suddenly knew this adventure
Would hardly release him alive.

Then, grateful, he turned to the window
Behind which the wall, further down,
Was breathing like smouldering tinder,
Lit up by the glare of the town.

There, far off the city was glowing
All crimson-aflame; in its swell
A maple-branch, ragged, was bowing
To bid him a silent farewell.

'O Lord,' he was thinking, 'how perfect
Thy works are, how perfect and right;
The walls and the beds and the people,
This death-night, the city at night!

I drink up a sedative poitnion,
And weeping, my handkerchief trace.
O Father, the tears of emotion
Prevent me from seing Thy face.

Dim light scarecly touches my bedstead.
It gives me such comfort to drift
And feel that my life and my lot are
Thy precious and wonderful gift.

While dying in fading surroundings
I feel how Thy hands are ablaze,
The hands that have made me and hold me
And hide, like a ring in a case.'

Translated by Lydia Pasternak Slater

В больнице

Стояли как перед витриной,
Почти запрудив тротыяр.
Носилки втокнули в машину,
В кабину вскочил санитар.

И скорая помощь, минуя
Панели, подъезды, зевак,
Сумятицу улиц ночную,
Нырнула огнями во мрак.

Мелиция, улицы, лица
Мелькнули в свету фонаря.
Покачивалась фельдшерица
Со склянкою нашатыря.

Шел дождь, и в приемном покое
Уныло шумел водосток,
Мею тем как строка за строкою
Марали опорсный листок.

Его положили у входа.
Все в корпусе было полно.
Разило парами иода,
И с улицы дуло в окно.

Окно обнимало квадратом
Часть садда и неба клочок.
К палатам, полам и халатам
Присматривался новичок.

Как вдруг из распросов сиделки,
Покачивавшей головой,
Он понял, что из передлки
Едва ли он быдет живой.

Тогда он взглянул благодарно
В окно, за которым стена
Была точно искрой пожарной
Из города озарена.

Там в зареве рдела застава,
И, в отсвете города, клен
Отвешивал веткой корявой
Больному прощальный поклон.

'О господи, как совершенны
Дела твои, - думал больной, -
Постели, и люди, и стены,
Ночь смерти и город ночной.

Я принял снотворную дозу
И плачу, платок теребя.
О боже, волнения сезы
Мешают мне видет тебя.

Мне сладко при свете неярком,
Чуть папающим на кровать,
Сбя и свой жребий подарком
Безценным твоим сосзнавать.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделие,
И прячишь, как перстень, в футляр.'